

ОТЧЕГО МЕДВѢДЬ СТАЛЪ КУЦЫЙ.

Присказка: жилъ я, живалъ,
на босу ногу топоръ обувалъ,
топорищемъ подпоясывался.

Сказка: Вотъ я шелъ да пошелъ, ходилъ по лѣсу, ходилъ по полю,
ничего не нашелъ.

Пошелъ по долинь, вижу—дубъ стоитъ здоровый, на этотъ дубъ я
влѣзъ, а онъ подо мною вдругъ началъ расти и расти; и растетъ, все
растетъ, до того онъ доросъ, что ужъ къ тучъ подпиратъ меня стало, такъ
что и податся мнѣ некуда. Я догадался, какъ бытъ—проткнулъ тучу голо-
вой, ступилъ на нее и пошелъ.

Иду все прямо. Долго ли, коротко ли я шелъ, только вдругъ вижу,
бабушка стоитъ, блинki печетъ. «Ты съ того свѣта будешь?» спрашиваетъ.
«Съ того свѣта, бабушка».—«У васъ тамъ, говорятъ, мухи дешевы, а кожи
дороги, а у насъ наоборотъ: за одну голову мухи даютъ шкуру съ телухи».

Я себѣ думаю: «это ладно, мухъ набратъ не мудрено, наловлю, намѣ-
няю на шкурѣ, шкурѣ продамъ и буду богатый».

Вотъ я вернулся къ дубу, слѣзъ опять на землю, набралъ мухъ и по-
томъ снова кверху полѣзъ.

Иду къ бабушкѣ, что блины пекла, говорю ей: «Ты, бабушка, сказыва-
ла, будто у васъ здѣсь за голову мухи даютъ шкуру съ телухи; ну, давай
мѣнятѣся».

Размѣнялись мы съ ней, отсчитала бабушка полсотни мухъ, а мнѣ дала
полсотни шкуръ, да еще на радостяхъ, что промѣнъ удался, меня блинками
угостила. Навалилъ я шкурѣ на спину и потащилъ.

Подхожу къ тому мѣсту, гдѣ дубъ росъ, гляжу, а ужъ его нѣтъ: кто-то
срубилъ. Что дѣлать, бѣда: и лѣстницы нѣтъ, и снятъ меня некому, а хочется
домой—на чужой сторонѣ оставатся неохота. Ладно, думаю, знаю, какъ
спущусь.

Сталъ я шкурѣ на ремни рѣзатъ, половину изрѣзалъ, ремни связалъ,
кругомъ облака петлю затянулъ и сталъ внизъ спускатся.

Спустился до послѣдняго ремня, вижу—еще до земли такъ далеко, что
едва ее видно.

Вскарабкался назадъ, остальныя шкурѣ изрѣзалъ, связалъ, привязалъ
къ нижнему концу, бросилъ внизъ, сталъ спускатся. Спустился до послѣд-
няго ремня, все еще далеко до земли.

Мотаетъ меня вѣтромъ, все равно какъ въ полѣ былинку. Какъ бѣтъ, что дѣлать?

Вдругъ я почувствовалъ, что меня блоха кусаетъ. Стой, говорю; блоху поймалъ и ту ободралъ, другую поймалъ и съ той шкуру долой.

Еще ремней надѣлалъ, спустился,—вижу—теперь ближе я къ землѣ, а спрыгнуть все-таки страшно.

Повисъ это я, и качаетъ меня вѣтеръ, то къ городу, то отъ города отнесетъ опять къ пустырямъ, да вдругъ какъ оборвется ремень, и прямо угодилъ я въ моховое болото, да съ размаху-то весъ туда по горло ушелъ.

Вотъ сижу я въ болотѣ, самъ про себя думаю: «видю не крѣпки блошинные ремни».

Застрялъ я въ болотѣ такъ, что одна голова поверхъ торчитъ, да кое-какъ руки выпросталъ, только захватить мнѣ не за что, чтобы выскочить оттуда. Видѣтъ—все вижу, а самъ двинуться не могу и подъ ногами твердой земли не чувствую.

Дѣло было весной. Стали утки прилетать, мѣсто обозрѣвать,—время имъ пришло гнѣздо вить.

Полюбилосъ это болото одной парочкѣ, начали у меня на головѣ гнѣздо свивать—думали, это кочка. Когда кончили строить гнѣздо, утка снесла туда яйца и стала птенцовъ выводить. Вывела утятъ, и какъ начали они подрастать, утка стала улетать за кормомъ.

Идетъ разъ медвѣдь, видитъ гнѣздо, заладилъ около гнѣзда бродить, примѣряется, какъ бы ему утенка стащить, когда матери нѣтъ.

Вотъ одинъ разъ подкрался онъ близко и ужъ совсѣмъ было сцапалъ утенка, а мнѣ жалъ стало птенца—вѣдь онъ у меня на головѣ выросъ.

Я взялъ да медвѣдя за хвостъ и схватилъ, онъ испугался, шарахнулъ въ сторону, да такъ шибко шарахнулъ, что меня изъ болота вытянулъ, а себѣ хвостъ оборвалъ, и пустился онъ въ лѣсъ, что есть духу.

Я гнѣздо съ головы снялъ, рядомъ на кочку приладилъ, самъ пошелъ домой и медвѣжий хвостъ на память съ собой унесъ.

Съ тѣхъ поръ медвѣди стали кудые.

